1894—96 г.г. *). Конечно, кружки рабочихъ продолжали существовать и далѣе; но они превратились изъ главной формы движенія въ служебную, соотвѣтственно чему измѣнилось и содержаніе работы въ нихъ; съ момента перехода къ массовому движенію кружкамъ была поставлена задача подготовки агитаторовъ. Въ отсталыхъ уголкахъ, гдѣ не было массоваго движенія, кружки продолжали дѣйствовать въ своей первоначальной формѣ. Главными средствами воздѣйствія на массу являлись прокламаціи и популярныя брошюрки. Литература служила какъ цѣлямъ массовой агитаціи, такъ и цѣлямъ массовой пропаганды. Агитируя, соціалдемократы формулировали требованія рабочихъ, для борьбы за которыя имѣются силы и средства. Агитація есть призывъ къ борьбѣ. Поэтому, содержаніе соціалдемократической агитаціи обусловливалось условіями мѣста и времени, формами борьбы, которую уже велъ пролетаріатъ въ данномъ городѣ, для веденія которой у него были и силы, и средства. Массовая пропаганда, напротивъ, не зависѣла отъ условій мѣста и времени, ея задачей была популяризація основныхъ соціалдемократическихъ идей, всѣхъ желаній соціалдемократіи, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ. Мысль эта довольно удачно формулирована въ одной петербургской прокламаціи отъ апрѣля 1899 г.: «Мы не выкидываемъ за бортъ политической борьбы, ибо мы слишкомъ твердо помнимъ, что политическая свобода—одно изъ условій торжества рабочаго класса. Но мы не хотимъ, чтобы политическая агитація висѣла въ воздухѣ, мы хотимъ, чтобы она была связана съ непосредственными, реальными нуждами рабочаго класса, чтобы она отвѣчала уже назрѣвшимъ запросамъ ихъ. Политика—надстройка надъ общественными отношеніями производства, и политическая агитація должна быть надстройкой надъ борьбой экономической, должна выростать на почвѣ этой борьбы и идти за нею. Другое дѣло пропаганда; здѣсь наши политическіе идеалы могутъ и должны развертываться въ ихъ полномъ объемѣ». Поэтому, содержаніе массовой пропаганды было въ общемъ неизмѣнно въ теченіе даннаго ряда лѣтъ; напротивъ, содержаніе массовой агитаціи, по мѣрѣ роста рабочаго движенія, сильно мѣнялось. Первоначальнымъ ея содержаніемъ были экономическія требованія и нужды. Потомъ появились правовыя требованія, — свобода слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ, неприкосновенность личности. Наконецъ, появились требованія реформы государственнаго строя,—«низверженія самодержавія». Эти перемѣны въ содержаніи агитаціи находились во внутренней связи съ измѣненіемъ формъ борьбы, — рядомъ съ экономической забастовкой появились политическія уличныя демонстраціи. Экономическая агитація сопровождалась созданіемъ экономическихъ организацій,—кассъ стачечной борьбы въ Вильнѣ и Кіевѣ, заводскихъ организацій въ Петербургѣ.

Въ концѣ 90-хъ и началѣ 900-хъ гг., подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ условій массовой агитаціи и пропаганды въ

*) О начаткахъ рабочаго движенія въ Москвѣ см. интересную статью С. М., На зарѣ рабочаго движенія въ Москвѣ, въ сб. „Текущей моментъ", Москва 1906.

Россіи, среди соціалдемократовъ-интеллигентовъ появилось новое теченіе, стремившееся консолидировать соціалдемократическое рабочее движеніе въ единую соціалдемократическую партію,—съ единствомъ программы, организаціи и тактики. А такъ какъ «соціалдемократическая партія безъ политической борьбы — это рѣка безъ воды» (Акимовъ стр. 111), то все вниманіе этого новаго теченія было обращено на политическую борьбу. Въ политическихъ условіяхъ самодержавной Россіи политическая борьба необходимо заключала въ себѣ большую долю борьбы съ политической полиціей,—поэтому вся дѣятельность партіи должна была быть сосредоточена въ рукахъ «организаціи профессіональныхъ революціонеровъ», которая только опирается на рабочее движеніе. Отсюда—отрицательное отношеніе къ рабочему движенію, какъ таковому, отрицаніе діалектики его развитія, отождествленіе его съ трэдъ-юніонизмомъ (Ленинъ, Что дѣлать, стр. 28). Блестящая характеристика отношенія соціалдемократіи, превратившейся въ «организацію профессіональныхъ революціонеровъ», къ массовому рабочему движенію въ этотъ мрачный періодъ нашей партійной исторіи дана А. Н. Потресовымъ: «Чѣмъ была, спрашиваетъ, онъ, для интеллигенціи стихія пролетарскаго движенія? Несомнѣнно, полемъ необъятныхъ размѣровъ для приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціоннаго воздѣйствія, но только отнюдь не той формующейся массой, изъ которой бы непосредственно выростало, путемъ естественнаго подбора, живое и организованное тѣло соціалдемократической партіи... Групповое интеллигентское «я» на пьедесталѣ изъ пролетарскаго движенія!.. Революціонеръ превратился въ деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, несмотря на все почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положеніи объекта, первосортнаго матеріала, внѣ рядовъ подлинныхъ творцовъ революціи»*). Результаты такой постановки соціалдемократической работы сказались весьма быстро. Единая соціалдемократическая партія основанная на съѣздѣ 1898 г. и потомъ второй разъ въ 1903 г., была совершенно лишена творческихъ силъ. Обладая сильно развитымъ агитаціоннымъ аппаратомъ, располагая большимъ числомъ пропагандистовъ, она была совершенно неспособна организовать рабочія массы. Потресовъ, отрицательно относясь къ концепціи экономизма, замѣчаетъ: «но въ одномъ онъ былъ правъ: при существовавшихъ тогда предпосылкахъ соціалдемократическая партія была невозможна» (стр. 276). Партійный механизмъ не дѣлалъ живой работы. «Машина не дѣйствовала: она скрипѣла, она судорожно двигала своими отдѣльными частями и не трогалась съ мѣста, какъ цѣлое... Внутри партіи производилась хлопотливая работа ломки—перестройки, налаживанія и прилаживанія частей, но во внѣ—ея колеса вертѣлись безпомощно въ воздухѣ, не забирая массы, ради приведенія которой въ дѣйствіе, вѣдь, только и существовалъ весь сложный партійный аппаратъ» **).

Оторванность партіи отъ рабочихъ массъ особенно ясно сказалась 1 мая прошлаго года, когда рабочіе ѣздили на конкахъ смотрѣть, какъ это соціалдемократы будутъ манифестировать на улицахъ Петербурга.

*) Потресовъ, Этюды о русской интеллигенціи, стр. 275—6, 281.
**) Потресовъ, стр. 303—304.